

ЮМОР И САТИРА В ПЕСЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ А. Н. ВЕРТИНСКОГО

Александр Николаевич Вертинский – выдающийся поэт и исполнитель. В восприятии читателя и слушателя это создатель «трагических», серьёзных произведений. По словам В. С. Полякова, «ещё не изжито мнение о Вертинском, как о певце рыдающей эмиграции, о поэте Бермудских и других экзотических островов, оплакивавшем безвозвратно ушедшее прошлое» [1, с. 129]. Исследователи творчества поэта рассматривают его с более «серьёзной» стороны, тогда как компонент иронии в его творчестве позволяет раскрыть грани его произведения при детальном анализе.

Не случайно жанр его ранних произведений определён как «печальные песенки Пьеро», «песенки настроения». Однако если проанализировать творчество артиста, можно в нем обнаружить тонкий юмор, а порой и сарказм, где даже названия прозвучат иронично. Особенно это характерно для «экзотических» песенок, богатых на вычурные фразы, жеманность и эмоциональность: «Испано-сюиза», «Рафинированная женщина», «Пани Ирена», «За кулисами».

По воспоминаниям современников и мемуарам поэта, мы видим, что он был человеком остроумным, обладающим тонким чувством юмора, очень любил розыгрыши. В. С. Поляков пишет: «Я много раз был на концертах Вертинского, слушал его песни и в домашней обстановке и утверждаю, что многие из них наполнены юмором и сарказмом. «Вы стояли в театре в углу за кулисами» – это песня о закулисной жизни, о которой артист говорит с тонкой иронией. С доброй и сочувственной улыбкой поёт он о маленькой балерине, которой сам король (это же мечты, наивные мечты маленькой бедной танцовщицы) подарил печально бледные нарциссы и лакфиоль» [1, с. 131]. В его творчестве постоянно встречается тонкая ирония, сатира, сарказм и пародия. Уже в самом названии «арияетка» заложена самоирония как приём и как тема произведения. Изначально для определения жанра своих произведений поэт использует этот термин или другой – «печальная песенка». Оба эти определения несут комическую окраску, поскольку использованы в уменьшительно-ласкательной форме и обладают определённой трогательностью и иронией. В сочетании «печальная песенка» возникает контраст смешного и грустного, усиленный образом Пьеро и его сценической маской. Тем самым, уже в самом жанре произведений изначально была заложена комическая коннотация. Лирико-смеховое начало «песенок» раскрывается в образе Пьеро. По словам О. А. Гореловой «Пьеро изливает своё любовное томление в песнях» [2, с. 94]. Однако не стоит понимать это как

исповедь самого артиста. Пьеро – это в первую очередь образ, созданный для дистанцирования себя как личности от исполняемых произведений. Принципом исполнения А. Н. Вертинского было ироническое отстранение от персонажа – даже на афишах было написано, что концерты даёт «печальный Пьеро», который становится лирическим героем доэмиграционного периода творчества Вертинского. Образ становится центральным в системе персонажей «ариеток». Автор даже шутит над создаваемым им образом. Особенно отчётливо это просматривается в стихотворении «Аллилуйя»:

И за гипсовой маской, спокойной и строгою,
Буду прятать тоску о твоём фуэте [3, с. 282].

Вертинский говорит о том, что его маска – средство для «сохранения» собственной души и чувств. Выступая под маской, он заведомо смеётся над Пьеро, как над героем. Маска является традиционным приёмом иронии, берущим начало из комедии Дель-Арт, а в творчестве артиста становится своеобразной пародией декадентства. Говоря об иронических приемах исполнения, нельзя не упомянуть о мимике, жестах и пластике артиста во время исполнения песен. Его современники вспоминают, что Вертинский всегда сохранял серьёзное выражение лица и смеялся над мещанами, над любителями экзотики, вычурных слов, над сентиментальностью, над поклонниками «песенной тоски». В сочетании этих приёмов автор создаёт видимый иронический образ, который позволяет прочувствовать иронические нотки даже в самом «печальном» произведении.

Многие из его произведений были не просто ироничны, а пародийны («В бананово-лимонном Сингапуре»), где осмеивалась даже не жизнь, а ее пародия, о которой мечтали его современники: с ее яркими красками и экзотическими островами. Автор иронизирует по поводу мира, который есть ничто иное, как сказка:

В этой сказке смешной и трагической
И конец, и начало светло [3, с. 276].

В традициях декаданса артист иронизирует над одним из самых трагических понятий – смерти и похорон, наделяя их трагикомичностью, гротеском и иронией. Вновь мы видим уменьшительные слова, автор вводит их, как бы приуменьшая трагизм их значения, добавляя в них лёгкую иронию.

Тихо шепчет дьякон седенький,
За поклоном бьёт поклон
И метёт бородкой реденькой
Вековую пыль с икон [3, с. 279].

Обряд похорон неизменно превращается в театр, с его гротеском и буффонадой, ведь за иронией и смехом легче скрыть истинные чувства: страх, горечь утраты. Смерть преследовала его с детства: потеря родителей, гибель любимых людей. Уход в иной мир пугает артиста, однако обыграв его в «театре жизни», становится не страшно, а лишь грустно:

Но однажды сбылися мечты сумасшедшие,
Платье было надето, фиалки цвели,
И какие-то люди, за Вами пришедшие,
В катафалке по городу Вас повезли [3, с. 284].

Представление одной актрисы – жалкое, бездарное, единственное и последнее. Почему-то вызывает ироничную жалость. Жизнь была прожита в сладких мечтах и ожидании светлого, сказочного бала, но в итоге единственная процессия – похоронная. Мечты ни к чему не привели, жизнь прошла, превратилась в пыль. Ирония судьбы. Театр, где людьми – марионетками руководят высшие силы и Бог. Не стоит верить мечтам, если мы не в силах что-либо изменить в этом кукольном мире жизни:

На слепых лошадях колыхались плюмажики,
Старый попик любезно кадилом махал...
Как весной в бутафорском смешном экипажике
Вы поехали к Богу на бал [3, с. 284].

Сама «поездка на бал» – смешна и нелепа: экипаж смешной, попик – любезный, сарказмом пропитано каждое слово. В этих строках слышится ирония над самой жизнью – «подготовкой к великому балу». Ирония Вертинского являет собой грустно-печальную всеобъясняющую улыбку человека, осознающего быстротечность человеческой жизни и тщетность призрачных надежд. Однако он не негодует, прощает и пребывающих в заблуждении, и себя, не лишённого того же.

И когда догорят Ваши свечи венчальные,
Погребальные свечи мои,
Отпоют надо мной панихиды хрустальные
Беспечальной весной соловьи [3, с. 281].

В стихотворении «Кокаинетка» с помощью уменьшительных слов достигается ироничный мелодраматизм: «Ваш сиреневый трупик окутает саваном тьма» [3, с. 287], который вместе с «драматической» манерой исполнения является элементом автопародии. В произведениях А.Н. Вертинского привлекают внимание многочисленные лексемы с уменьшительно-ласкательным значением: «минуточка», «кокаинеточка»,

«шуточка», «шейка», «горжеточка», «маленький», «старый балаганчик». Наивная ирония звучит в человеческом желании счастья:

Мне так хочется глупенькой сказки
Детской сказки, наивной, смешной [3, с. 276].

Такого рода лексемы придают стихотворениям трогательно-смешное, лирико-ироническое звучание, усиливают комическую окраску: колокольцы, дороженька. С их помощью создаётся ироничная видимость «кукольности», «кукольного мира». Так называемая «детскость» – воспроизведение детской речи, детского мировидения – создаёт лирико-юмористическую интерпретацию произведения. Иронизируя, автор использует обращение к ребенку: «Вы плакали, малютка» [3, с. 278], «глупая деточка» [3, с. 276], «моя одинокая деточка» [3, с. 276], «капризный, как дитя» [3, с. 279].

Отношение к детям у Вертинского было трогательным. Дети, их слова, поступки и восприятие мира было чистым и светлым – так называемой истиной первой инстанции. Отсюда и позиционирование лирического героя песенок как «маленького», «бедненького» человечка, «деточку», оскорбленного и обиженного миром. Отсюда любовь к «кукольности» – выдуманному миру детства – миру грез, иллюзий, где все герои – куклы. Иронична иллюзорность кукольного мира...

Ах, вчера умерла моя девочка бедная.
Моя кукла балетная в рваном трико.
В керосиновом солнце закружилась победная,
Точно бабочка бледная, так смешно и легко [3, с. 282].

Оппозиция «девочка» – «кукла» подчёркивает эту иллюзорность, а метафора «бабочка бледная» вызывает иронию сродни отождествлению радости и страдания. Вся ее жизнь – это лишь полет бабочки к огню.

В своих произведениях поэт зачастую подсмеивался над экзальтированными дамами, его поклонницами, мечтавшими о «королевской», «сказочной» жизни, «по-киношному» страдающими, плачущими, заламывающими руки. Изначально он иронизирует над пустыми и несбыточными мечтами «дам»:

В этом городе сонном Вы вечно мечтали
О балах, о пажих, вереницах карет,
И о том, как ночами в горящем Версале
С мертвым принцем танцуете Вы менуэт... [3, с. 284].

А. Н. Вертинский неотделим от тонкого юмора. Иногда это мрачноватый, едкий юмор, иногда сентиментальный, преодолевающий ограниченность

человеческих возможностей, однако, даже при исполнении самых «чувствительных» песенок, у Вертинского остается ироническая интонация. И даже в самой серьезной песне скрывается ироническая нотка: «Как бледен Ваш Пьеро, как плачет он порой!» [3, с. 279] или сложная метафора: «бально-больной».

Кроме того, необходимо отметить использование иностранных слов, зачастую имеющих двойственное значение, построено на эффекте комического. Так название *Jamaïs* и использование «жамэ» создает комическую картину:

Он все твердит «жамэ»

И плачет по-французски [3, с. 278].

Тема любви нередко подвергалась иронии со стороны Вертинского, особенно в эмиграционный период творчества, поскольку, будучи представителем богемы и видя «ночную», «ресторанную» сторону жизни, он относился к самому понятию любви как к практически исчезнувшему явлению. Он практически перестал верить в настоящую любовь, видя, что она превратилась в разменную монету в «дешёвом электрическом раю»:

Все окончилось так нормально,

Так цинично жесток конец,

Вы сказали, что нынче в спальню

Не приносят с собой сердец [3, с. 286].

Изображая «электрический мир», поэт показывает «приземлённость» человеческих чувств, говорит, что в этом мире все чувства нелепы, глупы и смешны:

Ведь любовь наша только шуточка,

Это выдумал глупый май.[3, с. 277].

Конечно, в его репертуаре были и грустные песни периода эмиграции, и песни о безответной любви, о печальной старости, о далеких островах забвения, о Родине, тоске, боли одиночества. Но были и обличительные песни о жизни за рубежом. Сатирическими песенками стали «Без женщин», «Марлен», «Принцесса Мален». Смех стал его забвением от тоски.

Так в стихотворении «Без женщин» в ироничной форме артист доносит идею о коварности женщин и о недолговечности человеческих отношений, которые являются всего лишь карточной партией, играет с противоположностями: «проигрыш велик, а выигрыш – ничтожен»:

Как хорошо без женщин, без фраз,

Без горьких слов и сладких поцелуев,

Без этих милых слишком честных глаз,

Которые вам лгут и вас ещё ревнуют! [1, с. 294]

Таким образом, в творчестве А. Н. Вертинского смешное переходит в печальное, а трагическое – в ироническое. Зачастую этот эффект осуществляется благодаря стилю исполнения автором своих произведений, ироничного интонирования и используемым приемам юмора и иронии. Однако на первый план все-таки выходит авторский, личностный компонент, ведь в

исполнении других артистов произведения поэта утрачивают ноту горького смеха. Сам автор отдает предпочтение самоиронии, ярко выраженной в произведении «Я сегодня смеюсь над собой»[3, с. 276]. Следует добавить, что А. Н. Вертинский бережно относился к своим героям, хотя иногда не щадил не их (особенно дам), ни себя, как самонадеянного ухажёра. В своём творчестве артист пользуется комплексом иронических приёмов: это и расшифровка смысла в контексте, и сокрытие смешного под видом серьёзности, и направление грустной улыбки на ситуацию в целом, и на ощущении человека игрушкой в руках судьбы, и игра противоположностей, и высказывание серьёзных идей под маской насмешки.

Литература

1. Поляков В. С. Товарищ смех / В. С. Поляков. – М. : Искусство, 1976. – 239 с.
2. Горелова О. А. Александр Вертинский и ироническая поэзия серебряного века : [Электронный ресурс]: Дисс. канд. филол. наук: 10.01.01. – М. : РГБ, 2006. – 187 с.
3. Вертинский А. Н. Дорогой длиною... Мемуары, стихи и песни, рассказы и зарисовки, письма, фотографии / Сост. и вступ. ст. Ю.Томашевского. – М. : Астрель, АСТ, 2009. – 607 с.

Аннотация

Плотникова А. А. Юмор и сатира в песенном творчестве А. Н. Вертинского. В данной статье автор анализирует творчество А.Н. Вертинского и специфику ироничности исполнения его произведений, выделяя компоненты иронии и юмора. Для убедительной аргументации используются воспоминания современников автора и непосредственный анализ произведений. В конце статьи, автор формулирует выводы об особенностях ироничности произведений А. Н. Вертинского, а также о комплексе приёмов, используемых для достижения юмористического эффекта.

Ключевые слова: комизм, юмор, сатира, ирония, пародия, маска, «ариетка», «печальная песенка», кукольность.

Анотація

Плотнікова А. А. Гумор та сатира в пісенній творчості А. М. Вертинського. В даній статті автор аналізує творчість А. Н. Вертинського та специфіку іронічності виконання його творів, виділяючи компоненти іронії та гумору. Для переконливої аргументації використовуються спогади сучасників автора і безпосередній аналіз творів. В кінці статті, автор формулює висновки про особливості іронічності творів А. Н. Вертинського, а також про

комплекс прийомів, що використовуються для досягнення гумористичного ефекту.

Ключові слова: комізм, гумор, сатира, іронія, пародія, маска, «арієтка», «сумна пісенька», ляльковість.

Annotation

Plotnikova A. A. Humour and satire in the song creation of A. N. Vertinsky. In this article the author examines the work of A. Vertinsky and specificity of irony execution of his works, highlighting the components of irony and humor. For a persuasive argument the author's memoirs of his contemporaries and immediate analysis of the works were used. At the end of the article, the author formulates conclusions about the features of irony at works of A. N. Vertinsky, as well as the complex techniques used to achieve a humorous effect.

Keywords: comedy, humor, satire, irony, parody, mask, "arietka," "sad song", puppet.

Статья прорецензирована кандидатом филологических наук, доцентом кафедры всемирной литературы ЛНУ имени Тараса Шевченко Бахмачем В.И.